

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-91-114

М. В. Злобина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

marinazlobina1991@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ИНТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЧЕРТ БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ

Представлены предварительные результаты проверки взаимосвязи толерантности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности и личностных черт на выборке 87 чел. Приводится обзор зарубежных исследований, посвященных изучению отношений между данными конструктами. С целью проверки связи между личностными чертами и толерантностью, интолерантностью и межличностной интолерантностью к неопределенности используются личностный опросник NEO PI-R [Орел, Сенин, 2004] и Новый опросник толерантности к неопределенности [Корнилова, 2010].

Ключевые слова: черты личности, Большая пятерка, толерантность к неопределенности, ИТН, межличностная ИТН.

Введение

В современной психологии конструкт толерантности / интолерантности к неопределенности приобретает все большее значение. Толерантность к неопределенности (далее – ТН) понимается, как правило, в качестве тенденции воспринимать неопределенные ситуации как желаемые [Budner, 1962; Furnham, Ribchester, 1995], стремиться к неопределенным ситуациям [MacDonald, 1972], принимать неопределенность [Mclain, 1993]. Интолерантность к неопределенности (далее – ИТН), напротив, представляет собой тенденцию воспринимать неопределенные ситуации как источники угрозы или психоло-

Злобина М. В. Взаимосвязь толерантности и интолерантности к неопределенности и черт Большой пятерки // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 91–114.

гического дискомфорта [Budner, 1962; Norton, 1975] и стараться их избегать [Furnham, Ribchester, 1995], отражает склонность реагировать негативно на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне на неопределенные ситуации и события [Dugas, Buhr et al., 2004]. Впервые конструкт ИТН был предложен Френкель-Брунsvик [Frenkel-Brunswik, 1949], которая указывала, что лица, интолерантные к неопределенности, «имеют склонность прибегать к черно-белым решениям, делать преждевременные выводы, часто пренебрегая реальностью, и стремятся к безоговорочному и недвусмысленному признанию или отвержению со стороны других людей».

На настоящий момент среди исследователей нет единого мнения, стоит ли считать толерантность и ИТН двумя полюсами одной шкалы или же это два независимых конструкта. Так, Маклейн [McLain, 1993] указывал, что толерантность к двусмысленности – это «спектр реакций», Фёрнхем и Рибчестер [Furnham, Ribchester, 1995] говорили о том, что это «переменная, которая часто понимается в одномерном масштабе». В отечественной психологии Т. В. Корнилова говорит о необходимости рассмотрения ТН и ИТН как принципиально разных конструктов [2010].

Толерантность к неопределенности часто рассматривается в контексте организационной психологии, психологии лидерства и принятия решений [Sexton, Bowman, 1985; Bennett, Herold et al., 1990; Levin, Leginsky, 1991; Madzar, 2001; Fugate, Kinicki, 2008; Sadeghi, Soleimani, 2016; Lloyd, Härtel, 2010; Salamzadeh, Farjadian et al., 2014; Tsoukatos, 2014; Xu, Tracey, 2015; Brighetti, Lucarelli, 2015; Grant, Studholme et al., 2017; Chaudhary, 2017], в области изучения креативности и характеристик креативной личности [Martindale, Abrams et al., 1974; Zenasni, Besançon et al., 2008; Ie, Haller et al., 2012; Slijkhuis, Rietzschel et al., 2013], в области изучения иностранных языков [Warner, Koufteros et al., 2014; Thompson, Khawaja, 2016; Sadeghi, Soleimani, 2016; Varasteh, Ghanizadeh et al., 2016; Alahdadi, Ghanizadeh, 2017] и пр.

Интолерантность к неопределенности изучается преимущественно в контексте тревожных и депрессивных расстройств, как один из основных когнитивных факторов для их уязвимости [Andersen, Schwartz, 1992; Ladouceur, Blais et al., 1998; Ladouceur, Gosselin et al., 2000; Dugas, Gosselin et al., 2001; Dugas, Schwartz et al., 2004; Butzer, Kuiper, 2006; Norton, Mehta, 2007; Miranda, Fontes et al., 2008; Buhr, Dugas, 2006; Yook, Kim et al., 2010; McEvoy, Mahoney, 2011; Carleton,

Mulvogue et al., 2012; Oglesby, Albanese et al., 2015]. В одной из предыдущих работ нами также была показана связь межличностной интолерантности к неопределенности и склонности к депрессии [Злобина, Первушина, 2017].

Несмотря на то, что имеются теоретические и эмпирические основания предполагать наличие тесной взаимосвязи между ТН и ИТН и личностными чертами, нам не удалось найти отечественных исследований, посвященных этой теме, а среди зарубежных исследователей к данному вопросу обращается относительно небольшое их количество.

Так, А. Барди с коллегами [Bardi, Guerra et al., 2009] исследовали взаимосвязь ИТН и открытости в контексте академической жизни. Несмотря на то, что ТН рассматривалась некоторыми авторами (см., например: [McCrae, 1996]) как часть открытости, в своем исследовании авторы опровергли это положение. Они показали, что в начале обучения в университете оба конструкта относились к оценке угрозы и сложности задачи, и эта оценка опосредовала отношения этих черт к благополучию. С исчезновением новизны ситуации, паттерны связи обоих конструктов изменяются. ТН была связана с оценкой угрозы и сложностью задачи только на первом курсе обучения в университете, тогда как открытость была связана с благополучием и оценкой угрозы и сложностью задачи не только на первом курсе, но и в дальнейшем. Исследователи предположили, что компонент новизны, возможно, имел отношение к благополучию в начале обучения в университете, тогда как интеллектуальный аспект, вероятно, является значимым как в начале обучения в университете, так и впоследствии. Они делают вывод, что открытость является более широкой чертой, чем ТН, и включает компонент новизны и интеллектуальный компонент.

Лауриола и коллеги [Lauriola, Foschi et al., 2016] обнаружили связь черт Большой пятерки с такими компонентами ТН, как дискомфорт от неопределенности, моральный абсолютизм и ригидность и потребность в сложности и новизне. Экстраверсия и открытость к опыту были отрицательно связаны с дискомфортом от неопределенных ситуаций и положительно связаны с потребностью в сложности и новизне. Открытость к опыту была отрицательно связана с моральным абсолютизмом и ригидностью мышления. Нейротизм был положительно связан с дискомфортом от неопределенности. Добросовестность была

положительно связана с потребностью в сложности и новизне. Связей результатов шкалы сотрудничества с результатами по шкалам ТН обнаружено не было.

В одном из недавних исследований, Джек и Смайли [Jach, Smillie, 2019] также показали наличие связи между ТН и чертами Большой пятерки. Они рассмотрели связь подшкал трех методик ТН с различными аспектами открытости к опыту, экстраверсии и нейротизма. В качестве методик, направленных на измерение ТН и ИТН, использовались шкалы TFA (Tolerance for Ambiguity Scale), MSTAT II (Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-II) и шкала IUS-12 (Intolerance of Uncertainty Scale-12) [Carleton et al., 2007]. Для измерения черт Большой пятерки использовались опросник BFI-2 и шкала открытость / интеллект опросника Big Five Aspect Scales (BFAS). По результатам корреляционного анализа показатели каждой из шкал, направленных на измерение ТН, были связаны с показателями открытости к опыту и экстраверсии [Jach, Smillie, 2019]. Показатели по шкалам добросовестность и сотрудничество были положительно связаны с результатами по MSTAT и отрицательно с результатами по шкале IUS-12. Показатели по шкале негативной эмоциональности (нейротизма) были отрицательно связаны с показателями по MSTAT и положительно – с показателями по IUS-12. При этом более сильные связи с экстраверсией и нейротизмом были получены по шкале MSTAT [Ibid.]. Авторами также был проведен регрессионный анализ, который продемонстрировал, что открытость к опыту предсказывала ТН, и что экстраверсия продолжала предсказывать ТН, даже при контроле открытости к опыту. Используя сетевой анализ, авторы показали, что открытость к опыту была связана с ТН через интеллектуальное любопытство, а не эстетическую оценку; экстраверсия в наибольшей степени была связана с ТН через настойчивость, а не общительность или энергетические уровни, а нейротизм имел сильную связь с ИТН, при этом не имея надежных связей с подшкалами ТН.

В работе Беренбаум и соавторов [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008] проверялась факторная структура шкалы ИТН (Intolerance of Uncertainty Scale (IUS)), а также связи с показателями шкалы потребности в закрытости, Опросника беспокойства и Большой пятерки. Исследователей в том числе интересовало, связаны ли с указанными показателями различные размерности ИТН. Подшкала дистресса, вызванного неопределенностью, была особенно сильно связана с нейро-

тизмом. Корреляция между нейротизмом и подшкалой дистресса, вызванного неопределенностью, была значимо сильнее, чем корреляции между нейротизмом и потребностью в предсказуемости, парализованностью неопределенностью и негибких убеждениях относительно неопределенности. Отрицательная корреляция между экстраверсией и подшкалой парализованность неопределенностью была значимо сильнее, чем связи между экстраверсией и подшкалой потребности в предсказуемости, дистресса, вызванного неопределенностью, и парализованности неопределенностью. Связь между показателем добросовестности и показателем потребности в предсказуемости значимо отличалась от связи между показателем добросовестности и подшкалами дистресса, вызванного неопределенностью, парализованностью неопределенностью и негибких убеждениях относительно неопределенности. Значимых связей со шкалой сотрудничество обнаружено не было.

Связь ИТН и нейротизма была продемонстрирована во многих исследованиях. Макэвой и Махоуни обнаружили, что ИТН обуславливает отношения между нейротизмом и социальной тревогой [McEvoy, Mahoney, 2011]. Аллан и соавторы [Allan, Oglesby et al., 2016] также показали, что отношения между нейротизмом и социальной тревогой могут быть объяснены через ИТН. Греко и Роджер [Greco, Roger, 2001], разрабатывая шкалу реагирования на неопределенные ситуации, показали наличие связи со шкалами личностного опросника Айзенка (EPI). В их исследовании эмоциональная неопределенность была положительно связана с нейротизмом ($0,56, p < 0,01$) и социальной сензитивностью ($0,51, p < 0,01$), а когнитивная неопределенность была отрицательно связана с социальной сензитивностью ($-0,21, p < 0,01$), нейротизмом ($0,20, p < 0,05$) и импульсивностью ($0,25, p < 0,01$).

В иерархической модели эмоциональных расстройств (см.: [Norton, Mehta, 2007]) ИТН рассматривает как фактор более низкого порядка по отношению к нейротизму.

На основании вышесказанного можно утверждать следующее.

1. В ряде зарубежных исследований была показана связь между разными компонентами ТН и ИТН и личностными чертами. В частности, было показано, что ТН и ИТН являются факторами более низкого порядка по отношению к ряду личностных черт. ИТН также может обуславливать отношения между нейротизмом и эмоциональными расстройствами [McEvoy, Mahoney, 2011; Allan et al., 2016].

2. Было показано, что с экстраверсией положительно связана ТН [Jach, Smillie, 2019] и такие ее компоненты, как потребность в сложности и новизне [Lauriola, Foschi et al., 2016] и потребность в изменениях [Greco, Roger, 2001].

3. ТН (и, в частности, потребность в сложности и новизне) также положительно связана с открытостью к опыту [Jach, Smillie, 2019; Lauriola, Foschi et al., 2016].

4. В исследовании Джек и Смайли [Jach, Smillie, 2019] ТН была отрицательно связана с нейротизмом.

5. Было показано, что ИТН отрицательно связана с экстраверсией и открытостью к опыту [Ibid.]. Отрицательно связаны с экстраверсией такие компоненты ИТН, как дискомфорт от неопределенных ситуаций [Lauriola, Foschi et al., 2016], дистресс, вызванный неопределенностью, потребность в предсказуемости, парализованность неопределенностью и негибкие убеждения относительно неопределенности [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008]. С открытостью к опыту был отрицательно связан дискомфорт от неопределенных ситуаций [Lauriola, Foschi et al., 2016].

6. ИТН и все ее выделяемые компоненты (дискомфорт от неопределенных ситуаций [Ibid.], дистресс, вызванный неопределенностью, потребность в предсказуемости, парализованность неопределенностью и негибкие убеждения относительно неопределенности [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008]) были положительно связаны с нейротизмом [Jach, Smillie, 2019].

7. Результаты, касающиеся связи ТН и ИТН и сотрудничества и добросовестности, противоречивы. В исследованиях Лауриола и коллег [Lauriola, Foschi et al., 2016] и [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008] связи между ТН и ИТН и сотрудничеством обнаружено не было, тогда как в работе [Jach, Smillie, 2019] показано наличие отрицательной связи сотрудничества с ИТН и положительной – с ТН. Добросовестность была положительно связана с потребностью в сложности и новизне [Lauriola, Foschi et al., 2016] и ТН [Jach, Smillie, 2019], но также положительно связана с потребностью в предсказуемости [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008]. Отрицательно добросовестность была связана с ИТН [Jach, Smillie, 2019] и негибкими убеждениями относительно неопределенности [Berenbaum, Bredemeier et al., 2008].

Целью данного исследования является предварительная проверка связи между ТН и ИТН и чертами личности на русскоязычной

выборке 87 чел. Для этих целей нами были использованы опросник NEO-PI-R и Новый опросник ТН Т. В. Корниловой.

Гипотезы

Открытость к опыту. Наиболее тесно конструкт ТН связан с открытостью к опыту. Открытость к опыту как личностная черта обуславливает «активное воображение, эстетическую чувствительность, внимание к чувствам других, предпочтение разнообразия, гибкость ума и независимость в суждениях и оценках. Открытые индивиды желают принимать, поддерживать новые идеи и нетрадиционные ценности» [Piedmont, 1998]. Макрэй предположил, что лица, обладающие высокой открытостью к опыту, характеризуются потребностью в разнообразии и мотивированы на поиск незнакомого. Напротив, люди, обладающие низкой открытостью к опыту, предпочитают знакомое незнакомому (цит. по: [Bardi, Guerra et al., 2009]). Это согласуется с представлениями о толерантной (интолерантной) к неопределенности личности. Лица, обладающие высокой ТН, стремятся к неопределенности [Furnham, Ribchester, 1995], принимают неопределенность [McLain, 1993], воспринимают неопределенные ситуации как желаемые, сложные и интересные [Furnham, Ribchester, 1995], и, наоборот, лица с высокой ИТН воспринимают неопределенные ситуации как источники угрозы [Budner, 1962], рассматривают их в качестве реальных или потенциальных источников психологического дискомфорта или угрозы [Norton, 1975], испытывают стресс и в неопределенных ситуациях и стараются их избегать [Furnham, Ribchester, 1995], склонны «прибегать к черно-белым решениям, делать преждевременные выводы, часто пренебрегая реальностью, и стремятся к безоговорочному и недвусмысленному всеобщему признанию и отвержению других людей» [Frenkel-Brunswick, 1949]. Соответственно, мы можем ожидать наличие положительной связи показателей **открытости к опыту (О)** с показателем ТН и отрицательной связи с показателями ИТН.

Открытость к опыту, как и ИТН, затрагивает и поведенческий уровень. Карлетон и коллеги [Carleton, Norton et al., 2007] показали, что ИТН имеет две размерности более низкого порядка: проспективная и ингибирующая ИТН. Проспективная ИТН отражает желание определенности, тогда как ингибирующая ИТН отражает трудности

реагирования в ситуациях неопределенности («Неопределенность парализует меня») [Carleton, Norton et al., 2007]. Открытость к опыту на поведенческом уровне выражается в «готовности к разнообразным видам активности, к посещению новых мест или предпочтению необычной пищи традиционным блюдам» [Piedmont, 1998]. Люди, обладающие высокой открытостью к опыту, предпочитают новизну и разнообразие. Напротив, люди, обладающие низкой открытостью к опыту, «считают перемены трудными и предпочитают держаться за испытанное и проверенное» [Ibid.]. Следовательно, можно ожидать наличия отрицательной связи между показателями подшкалы открытости к опыту **Действия О4** и показателем ИТН. Напротив, лица, толерантные к неопределенности, стремятся к новизне и изменениям, поэтому можно ожидать наличия положительной связи между показателями подшкалы открытости к опыту **Действия О4** и показателем ТН.

Можно предполагать наличие положительной связи между результатами по шкале ТН и результатами подшкалы открытости к опыту **Идеи (О5)**. «Интеллектуальная любознательность» проявляется в активном поиске интеллектуальных интересов, открытости сознания и стремлении рассматривать, обдумывать, принимать во внимание новые, возможно нетрадиционные идеи. «Высокие баллы означают любовь как к философским дискуссиям, так и к решению головоломок, трудных задач. Низкие баллы по подшкале свойственны людям с ограниченной любознательностью и, в случае высокого уровня интеллекта, суженности сферы применения своих способностей, их сфокусированности на ограниченной тематике проблем» [Ibid.]. Деянг и коллеги [DeYoung, Quilty et al., 2014] отмечают, что открытость к опыту связана с интеллектом. Джек и Смайли [Jach, Smillie, 2019] предполагают, что любая наблюдаемая связь между открытостью к опыту и ТН может быть обусловлена интеллектом. Например, люди с более развитым интеллектом могут всесторонне обдумывать свой выбор при неопределенных вариантах и, таким образом, меньше подвергаться влиянию отрицательных свойств неопределенности.

Нейротизм. В известном смысле представляет противоположность эмоциональной стабильности личности и отражает склонность человека испытывать негативные эмоциональные состояния. Шкала нейротизма в целом измеряет «неумение приспособливаться к жизни». Жизнь в современном обществе характеризуется постоянной измен-

чивостью, неопределенностью, ТН в этих условиях является важной характеристикой, которая способствует лучшей адаптации в изменчивом мире. ИТН, напротив, отражает восприятие неопределенных ситуаций как угрожающих и обуславливает возникновение в таких ситуациях негативных эмоциональных состояний. Можно ожидать, что показатели шкалы **Нейротизм (N)** будут положительно связаны с показателями ИТН и отрицательно – с показателями ТН.

Мы можем предположить наличие положительной связи между показателями по шкале ИТН и показателями по подшкалам шкалы нейротизма **Тревожность (N1)** и **Депрессия (N3)**.

Во многих исследованиях было показано наличие связи между тревожными расстройствами и депрессией и высокой ИТН. Так, Бёр и Дугас [Buhr, Dugas, 2009] указывают, что «ИТН является фундаментальным когнитивным процессом, связанным с чрезмерным беспокойством и ГТР». Фристон и соавторы [Freston, Rheaume et al., 1994] говорят об ИТН как о проявлении базовой дисфункциональной схемы, которая «направляет обработку информации и способствует развитию и поддержанию беспокойства посредством прямого и косвенного воздействия». Большое количество данных указывает на связь между ИТН и депрессией [Andersen, Schwartz, 1992; Dugas, Buhr et al., 2004; Miranda, Fontes et al., 2008; Yook, Kim et al., 2010; Carleton et al., 2012]. В ряде исследований был продемонстрирован феномен депрессивной предсказательной определенности, отражающий уверенность индивида в том, что негативные события обязательно произойдут, а позитивные нет. Было показано, что этот феномен является достаточным фактором для возникновения депрессии. Вероятно, что лица, интолерантные к неопределенности, будут предпочитать жить в «негативной определенности», чем справляться с неопределенностью. Это дает основания предполагать, что Нейротизм определяет склонность к таким негативным эмоциональным состояниям, как тревога и депрессии через связь с ИТН.

Межличностная ИТН отражает стремление к «ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими» [Корнилова, 2010]. Неопределенность является неотъемлемой характеристикой любых отношений. Человек с высокой межличностной ИТН будет чаще, по сравнению с другими, испытывать дискомфорт в социальных ситуациях. Тенденцию чувствовать себя некомфортно среди людей отражает подшкала **N4**

(Рефлексия). Значит, мы можем ожидать положительной связи между показателями данной подшкалы и показателем *межличностной интолерантности к неопределенности* (далее – МИТН).

Экстраверсия. Основными чертами экстравертов являются общительность, активность, настойчивость. Экстраверты обладают большим количеством энергии, «любят людей и предпочитают большие группы и собрания... любят возбуждение и стимуляцию и имеют веселый нрав» [Piedmont, 1998]. Исходя из этого можно утверждать, что показатели по шкале **Экстраверсия (Е)** будут положительно связаны с показателями по шкале **ТН**. Лица, толерантные к неопределенности, стремятся к новизне, изменениям и оригинальности [Корнилова, 2010]. В основе этого стремления как раз и может лежать поиск стимуляции.

Можно предположить, что человек, интолерантный к неопределенности в межличностных отношениях, будет избегать социальных контактов. Это может быть обусловлено стремлением избежать неопределенности, которая возникает, когда человек вступает в отношения с другими. Значит, МИТН будет отрицательно связана с *общительностью* по шкале **Экстраверсии (Е2)**. Лица с низкими баллами по данной подшкале «имеют тенденцию быть в одиночестве, при этом они не только желают этого, но и предпринимают активные действия, чтобы избежать социальных контактов».

Показатели ИТН и МИТН будут, вероятно, положительно связаны с показателем **Настойчивости (Е3)** по шкале экстраверсии. Лица с высокими баллами по данной подшкале «доминантны, полны решимости и стремятся к установлению влияния над другими людьми. Они не сомневаются по поводу своих решений, их суждения безапелляционны». Эти же характеристики будут относиться и к интолерантному к неопределенности человеку. Кроме того, лица, обладающие высокой МИТН, как уже отмечалось, обладают стремлением к «ясности и контролю в межличностных отношениях» [Там же].

Поиск возбуждений (Е5), как было указано выше, с большой вероятностью будет связан с **ТН**, в основе которой может лежать поиск стимуляции.

Результаты по шкале **Позитивные эмоции (Е6)** будут, вероятно, отрицательно связаны с результатами по шкале **ИТН**. В ряде исследований было показано, что ИТН может предсказывать возникновение депрессии и негативных эмоций.

Выборка

Выборку составили 87 чел., студенты и сотрудники Новосибирского государственного университета в возрасте от 18 до 30 лет (17 мужчин и 70 женщин).

Методики

NEO-PI-R (Revised NEO Personality Inventory)

Методика NEO-PI-R направлена на оценку основных черт Большой пятерки (нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество, добросовестность). Опросник разработан на основе созданного в 1985 г. Коста и Макрэй Личностного опросника (NEO-PI). Русскоязычная версия опросника была создана в 1997 г. [Орел, Сенин, 2004]. Авторы указывают на высокий уровень согласованности шкал и подшкал методики, а также хорошую валидность и надежность методики.

Опросник состоит из 240 утверждений. Испытуемому предлагается ответить, насколько ему соответствует утверждение (абсолютно не согласен, не согласен, нейтрально согласен, абсолютно согласен). Утверждения группируются в 5 шкал, соответствующих чертам Большой пятерки, каждая из шкал содержит 6 подшкал.

Ниже указаны основные шкалы и подшкалы опросника:

Нейротизм (N): Тревожность, Злобная враждебность, Депрессия, Рефлексия, Импульсивность, Ранимость.

Экстраверсия (E): Сердечность, Общительность, Настойчивость, Поиск возбуждения, Позитивные эмоции.

Открытость к опыту (O): Фантазия, Эстетика, Чувства, Действия, Идеи, Ценности.

Сотрудничество (A): Доверие, Честность, Альтруизм, Уступчивость, Скромность, Чуткость.

Добросовестность (C): Компетентность, Организованность, Послушность долгу, Стремление к достижению, Самодисциплина, Обдумывание поступков.

Новый опросник ТН Т. В. Корниловой

Опросник состоит из 33 утверждений, которые испытуемым предлагается оценить по семибалльной лайкертовской шкале (от 1 полностью несогласен до 7 полностью согласен). Утверждения группируются в три шкалы (фактора): ТН, ИТН и МИТН.

Результаты и обсуждение

Как и ожидалось, результаты по шкале ТН оказались положительно связаны с результатами по шкалам экстраверсии и открытости опыту (0,29, $p < 0,001$ и 0,41, $p < 0,001$ соответственно).

Показатели по шкале ТН, как и предполагалось, были положительно связаны с показателями подшкал поиск возбуждений (Е5) (0,41, $p < 0,001$), действия (О4) (0,4, $p < 0,001$), идеи (О5) (0,36, $p < 0,001$).

Как и предполагалось, МИТН оказалась положительно связана с рефлексией (N4).

Вопреки гипотезе, показатели по шкале ИТН не были связаны с показателями подшкал шкалы нейротизма тревогой (N1) и депрессией (N3) и подшкалы позитивные эмоции (Е6) шкалы экстраверсия. При этом результаты по шкале МИТН были положительно связаны с результатами по шкале нейротизма, а также по всем подшкалам шкалы нейротизма (кроме импульсивности), и отрицательно связаны с показателями шкалы экстраверсия и всеми подшкалами шкалы экстраверсия (см. табл.).

Как уже было указано выше, большое число исследований показали наличие связи между ИТН и нейротизмом. Несмотря на это, полученные в нашем исследовании данные свидетельствуют об отсутствии связи показателя ИТН и о наличии связи показателя МИТН с показателями нейротизма. Полученные в нашем исследовании результаты, с одной стороны, позволяют предположить, что ИТН именно в межличностных отношениях связана с такой личностной чертой, как нейротизм. Как указывает Пьедмонт [Piedmont, 1998], «сущностью шкалы нейротизма является общая тенденция испытывать негативные аффективные состояния, такие как страх, грусть, раздражение, гнев, чувства вины и отвращения». Лица, набравшие высокие баллы по шкале нейротизма, склонны к иррациональным идеям, хуже контролируют свои импульсы и хуже, чем другие, справляются со стрессами. Отсутствие связи МИТН с показателем импульсивности неудивительно. Импульсивность как черта личности отражает неспособность контролировать свои желания и побуждения, неспособность противостоять таким соблазнам, как табак, алкоголь, материальные блага и т. д. Лица с низкими баллами по данной подшкале обладают более высокой толерантностью к фрустрациям. Поскольку импульсивность в данном случае не затрагивает межличностного аспекта,

Корреляции Толерантности к неопределенности, Интолерантности к неопределенности, Межличностной интолерантности к неопределенности и личностных черт (только значимые) *

Шкалы	N	Spearman	p-level
ТН & Е	87	0,29	0,006
ТН & О	87	0,42	0,000
ТН & Е3	87	0,31	0,003
ТН & Е5	87	0,41	0,000
ТН & О4	87	0,40	0,000
ТН & О5	87	0,36	0,000
ТН & С4	87	0,22	0,030
ТН & А5	87	-0,32	0,002
МИТН & N1	87	0,24	0,020
МИТН & N2	87	0,25	0,017
МИТН & N3	87	0,32	0,002
МИТН & N4	87	0,34	0,001
МИТН & N6	87	0,29	0,005
МИТН & Е1	87	-0,26	0,015
МИТН & Е2	87	-0,28	0,009
МИТН & Е3	87	-0,38	0,000
МИТН & Е4	87	-0,28	0,009
МИТН & Е5	87	-0,27	0,011
МИТН & Е6	87	-0,21	0,046
МИТН & О4	87	-0,22	0,038
МИТН & А1	87	-0,32	0,002
МИТН & А5	87	0,27	0,010
МИТН & С1	87	-0,21	0,049
МИТН & С5	87	-0,25	0,021

* Примечания: ТН – толерантность к неопределенности (Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой), ИТН – интолерантность к неопределенности (Там же), МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности (Там же). Е – Экстраверсия (NEO-PI-R), Е1 – Сердечность (NEO-PI-R), Е2 – Общительность (NEO-PI-R), Е3 – Настойчивость (NEO-PI-R), Е4 – Поиск возбуждения (NEO-PI-R), Е5 – Позитивные эмоции (NEO-PI-R); О – открытость к опыту (NEO-PI-R), О4 – Действия (NEO-PI-R), О5 – Идеи (NEO-PI-R); N – Нейротизм (NEO-PI-R), N1 – Тревожность, N2 – Злобная враждебность (NEO-PI-R), N3 – Депрессия (NEO-PI-R), N4 – Рефлексия (NEO-PI-R), N5 – Импульсивность (NEO-PI-R), N6 – Ранимость (NEO-PI-R); С – Добросовестность (NEO-PI-R), С1 – Компетентность (NEO-PI-R), С4 – Стремление к достижению (NEO-PI-R), С5 – Самодисциплина; А – Сотрудничество (NEO-PI-R), А1 – Доверие (NEO-PI-R), А5 – Скромность (NEO-PI-R).

отсутствие связи с МИТН предсказуемо. С другой стороны, возникает вопрос, действительно ли полученные результаты отражают отношения между этими переменными или же вызваны недостатками инструментария. Появляется необходимость разработки более надежных инструментов для оценки ТН и ИТН.

Межличностная интолерантность к неопределенности оказалась в нашем исследовании отрицательно связана с экстраверсией. «Основной отличительной чертой экстравертов является, конечно, общительность. Экстраверты любят людей и предпочитают большие группы и собрания, они также напористы, активны, энергичны, оптимистичны и любят поговорить. Экстраверты любят возбуждение и стимуляцию и имеют веселый нрав» [Piedmont, 1998]. В любых межличностных отношениях неизбежно возникают ситуации неопределенности. Можно предположить, что лица, обладающие высокой интолерантностью к межличностной неопределенности, будут стараться их избегать и, следовательно, избегать интенсивных контактов, большого количества людей и т. д. Эта тенденция выражается в связи МИТН с такими сторонами экстраверсии, как сердечность и общительность. Сердечность и общительность, первые две подшкалы шкалы экстраверсии, в наибольшей степени отражают аспекты межличностных отношений. Сердечность означает способность людей устанавливать близкие контакты с другими людьми, а общительность – предпочтение человека находиться среди других.

Вопреки ожиданиям, ТН была положительно связана с настойчивостью (Е3). Если понимать настойчивость как уверенность в себе, тогда данный результат поддается объяснению. Действительно, человек, обладающий уверенностью в себе, не будет испытывать сомнений и неуверенности перед лицом неопределенности, с большей готовностью будет решать сложные задачи, так как убежден, что сможет с ними справиться.

Помимо этого нами были получены дополнительные результаты, не входящие в гипотезы, а именно, связи показателей толерантности и межличностной интолерантности к неопределенности и показателей сотрудничества и добросовестности.

Показатель ТН был отрицательно связан с показателем подшкалы скромность шкалы сотрудничество (А5) и положительно – с показателем подшкалы стремление к достижению шкалы добросовестности (С4).

МИТН была положительно связана с показателем подшкалы скромность (А5) и отрицательно – с показателями следующих подшкал: доверие (А1), компетентность (С1), самодисциплина (С5).

Заключение

В данном исследовании мы рассмотрели взаимосвязь показателей толерантности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности и личностных черт. Как и предполагалось, ТН оказалась положительно связана с экстраверсией и открытостью к опыту. МИТН оказалась положительно связана с нейротизмом и отрицательно – с экстраверсией. Это согласуется с результатами, полученными в других исследованиях, посвященных изучению ТН и ИТН и черт личности. Однако часть полученных результатов не согласуется с результатами других исследований и не подтверждает часть наших предположений. Так, нами не были получены связи ИТН и нейротизма. Как уже отмечалось выше, подобный результат может быть вызван недостатками измерительных инструментов, что создает необходимость использования дополнительных методик. Кроме того, требуется дальнейшее увеличение выборки. Это позволит сделать более точные выводы о соотношении ТН и ИТН и личностных черт. Данные результаты являются предварительными и требуют дальнейшей проверки и более подробного анализа.

Список литературы

Злобина М. В., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия // *Reflexio*. 2017. Т. 10, № 2. С. 126–141.

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // *Психологический журнал*. 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.

Орел В. Е., Сенин И. Г. Личностный опросник NEO PI-R. Руководство по применению. Ярославль, 2004.

Alahdadi S., Ghanizadeh A. The dynamic interplay among EFL learners' ambiguity tolerance, adaptability, cultural intelligence, learning approach, and language achievement // *Iranian Journal of Language Teaching Research*. 2017. Vol. 5, No. 1. P. 37–50.

Allan N. P., Oglesby M. E. et al. Cognitive risk factors explain the relations between neuroticism and social anxiety for males and females // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2016. P. 1–15.

Andersen S. M., Schwartz A. H. Intolerance of Ambiguity and Depression: A Cognitive Vulnerability Factor Linked to Hopelessness // *Social Cognition*. 1992. Vol. 10, No. 3. P. 271–298.

Bardi A., Guerra V. M. et al. Openness and ambiguity intolerance: Their differential relations to well-being in the context of an academic life transition // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47, No. 3. P. 219–223.

Bennett N., Herold D. M. et al. The effects of tolerance for ambiguity on feedback-seeking behaviour // *Journal of Occupational Psychology*. 1990. Vol. 63, No. 4. P. 343–348.

Berenbaum H., Bredemeier K. et al. Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality // *Journal of Anxiety Disorders*. 2008. Vol. 22, No. 1. P. 117–125.

Brighetti G., Lucarelli C. Gender differences in attitudes towards risk and ambiguity: when psycho-physiological measurements contradict sex-based stereotypes // *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. 2015. Vol. 24, No. 1. P. 62.

Budner S. Intolerance of ambiguity as a personal variable // *Journal of Personality*. 1962. Vol. 30, No. 1. P. 29–50.

Buhr K., Dugas M. J. Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry // *Journal of Anxiety Disorders*. 2006. Vol. 20, No. 2. P. 222–236.

Buhr K., Dugas M. J. The role of fear of anxiety and intolerance of uncertainty in worry: An experimental manipulation // *Behaviour Research and Therapy*. 2009. Vol. 47, No. 3. P. 215–223.

Butzer B., Kuiper N. A. Relationships between the frequency of social comparisons and self-concept clarity, intolerance of uncertainty, anxiety, and depression // *Personality and Individual Differences*. 2006. Vol. 41, No. 1. P. 167–176.

Carleton R. N., Mulvogue M. K. et al. Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2012. Vol. 26, No. 3. P. 468–479.

Chaudhary R. Demographic factors, personality and entrepreneurial inclination: A study among Indian university students // *Education + Training*. 2017. Vol. 59, No. 2. P. 171–187.

DeYoung C. G., Quilty L. C. et al. Openness to Experience, Intellect, and Cognitive Ability // *Journal of Personality Assessment*. 2014. Vol. 96, No. 1. P. 46–52.

Dugas M. J., Buhr K. et al. The Role of Intolerance of Uncertainty in Etiology and Maintenance // *Generalized anxiety disorder: Advances in research and practice*. New York, NY, US: Guilford Press, 2004. P. 143–163.

Dugas, M. J., Gosselin P., Ladouceur R. Intolerance of uncertainty and worry: Investigating specificity in a nonclinical sample // *Cognitive Therapy and Research*. 2001. Vol. 25, No. 5. P. 551–558.

Dugas M. J., Schwartz A. et al. Brief Report: Intolerance of Uncertainty, Worry, and Depression // *Cognitive Therapy and Research*. 2004. Vol. 28, No. 6. P. 835–842.

Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journal of Personality*. 1949. Vol. 18, No. 1. P. 108–143.

Fugate M., Kinicki A. J. A dispositional approach to employability: Development of a measure and test of implications for employee reactions to organizational change // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2008. Vol. 81, No. 3. P. 503–527.

Furnham A., Ribchester T. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications // *Current Psychology*. 1995. Vol. 14, No. 3. P. 179–199.

Grant A. M., Studholme I. et al. The impact of leadership coaching in an Australian healthcare setting // *Journal of Health Organization and Management*. 2017. Vol. 31, No. 2. P. 237–252.

Greco V., Roger D. Coping with uncertainty: the construction and validation of a new measure // *Personality and Individual Differences*. 2001. Vol. 31, No. 4. P. 519–534.

Jach H. K., Smillie L. D. To fear or fly to the unknown: Tolerance for ambiguity and Big Five personality traits // *Journal of Research in Personality*. 2019. Vol. 79. P. 67–78.

Ladouceur R., Gosselin P. et al. Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: a study of a theoretical model of worry // *Behaviour Research and Therapy*. 2000. Vol. 38, No. 9. P. 933–941.

Lauriola M., Foschi R. et al. Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales // *Assessment*. 2016. Vol. 23, No. 3. P. 353–373.

Levin R., Leginsky P. The Independent Social Worker as Entrepreneur // *Journal of Independent Social Work*. 1991. Vol. 5, No. 1. P. 89–99.

Lloyd S., Härtel C. Intercultural competencies for culturally diverse work teams // *Journal of Managerial Psychology*. 2010. Vol. 25, No. 8. P. 845–875.

MacDonald A. P. Characteristics of volunteer subjects under three recruiting methods: Pay, extra credit, and love of science. // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1972. Vol. 39, No. 2. P. 222–234.

Madzar S. Subordinates' information inquiry: Exploring the effect of perceived leadership style and individual differences // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2001. Vol. 74, No. 2. P. 221–232.

Martindale C., Abrams L. et al. Creativity and Resistance to Cognitive Dissonance // *The Journal of Social Psychology*. 1974. Vol. 92, No. 2. P. 317–318.

McCrae R. R. Social Consequences of Experiential Openness P. 15.

McEvoy P. M., Mahoney A. E. J. Achieving certainty about the structure of intolerance of uncertainty in a treatment-seeking sample with anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2011. Vol. 25, No. 1. P. 112–122.

McLain D. L. The Mstat-I: A New Measure of an Individual's Tolerance for Ambiguity // *Educational and Psychological Measurement*. 1993. Vol. 53, No. 1. P. 183–189.

Miranda R., Fontes M. et al. Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms // *Behaviour Research and Therapy*. 2008. Vol. 46, No. 10. P. 1151–1159.

Norton P. J., Mehta P. D. Hierarchical Model of Vulnerabilities for Emotional Disorders // *Cognitive Behaviour Therapy*. 2007. Vol. 36, No. 4. P. 240–254.

Norton R. W. Measurement of Ambiguity Tolerance // *Journal of Personality Assessment*. 1975. Vol. 39, No. 6. P. 607–619.

Oglesby M. E., Albanese B. J. et al. Intolerance of Uncertainty in Relation to Motives for Alcohol Use // *Cognitive Therapy and Research*. 2015. Vol. 39, No. 3. P. 356–365.

Piedmont R. L. The Revised NEO Personality Inventory: Clinical and Research Applications. New York: Plenum Press, 1998.

Sadeghi K., Soleimani M. The relationship between anxiety, shyness, ambiguity tolerance, and language learning strategies // International Journal of Pedagogies and Learning. 2016. Vol. 11, No. 1. P. 70–87.

Salamzadeh A., Farjadian A. A. et al. Entrepreneurial characteristics: insights from undergraduate students in Iran // International Journal of Entrepreneurship and Small Business. 2014. Vol. 21, No. 2. P. 165.

Sexton D. L., Bowman N. The Entrepreneur: A Capable Exewtne and More // Journal of Business Venturing. 1985. Vol. 1, No. 1. P. 129–140.

Thompson A. S., Khawaja A. J. Foreign language anxiety in Turkey: the role of multilingualism // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2016. Vol. 37, No. 2. P. 115–130.

Tsoukatos E. Perceptions of entrepreneurial personality traits: evidence from Greece // World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development. 2014. Vol. 10, No. 2/3. P. 179.

Xu H., Tracey T. J. G. Career Decision Ambiguity Tolerance Scale: Construction and initial validations // Journal of Vocational Behavior. 2015. Vol. 88. P. 1–9.

Yook K., Kim K.-H. et al. Intolerance of uncertainty, worry, and rumination in major depressive disorder and generalized anxiety disorder // Journal of Anxiety Disorders. 2010. Vol. 24, No. 6. P. 623–628.

Warner J. A., Koufteros X. et al. Learning Computerese: The Role of Second Language Learning Aptitude in Technology Acceptance // Educational and Psychological Measurement. 2014. Vol. 74, No. 6. P. 991–1017.

Zenasni F., Besançon M. et al. Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study // The Journal of Creative Behavior. 2008. Vol. 42, No. 1. P. 61–73.

M. V. Zlobina

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marinazlobina1991@mail.ru

**THE RELATIONSHIP BETWEEN TOLERANCE
AND INTOLERANCE OF AMBIGUITY AND BIG FIVE
PERSONALITY TRAITS**

The paper presents the preliminary results of testing the relationship of tolerance of uncertainty, intolerance of uncertainty and interpersonal intolerance of uncertainty and personality traits on a sample of 87 people. A review of foreign studies on the relationship between these constructs is given. Revised NEO Personality Inventory [Orel, Senin, 2004] and the New Questionnaire of Tolerance of Uncertainty [Kornilova, 2010] was used in order to test the relationship between personality traits and tolerance of uncertainty, intolerance of uncertainty and interpersonal intolerance of uncertainty.

Keywords: personality traits, Big five, tolerance of uncertainty, intolerance of uncertainty, interpersonal intolerance of uncertainty.

References

Alahdadi S., Ghanizadeh A. (2017). The dynamic interplay among EFL learners' ambiguity tolerance, adaptability, cultural intelligence, learning approach, and language achievement. *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 5 (1), 37–50.

Allan N. P., Oglesby M. E. (2016). Cognitive risk factors explain the relations between neuroticism and social anxiety for males and females. *Cognitive Behaviour Therapy*, 1–15.

Andersen S. M., Schwartz A. H. (1992). Intolerance of Ambiguity and Depression: A Cognitive Vulnerability Factor Linked to Hopelessness. *Social Cognition*, 10 (3), 271–298.

Bardi A., Guerra V. M. (2009). Openness and ambiguity intolerance: Their differential relations to well-being in the context of an academic life transition. *Personality and Individual Differences*, 47 (3), 219–223.

Bennett N., Herold D. M. (1990). The effects of tolerance for ambiguity on feedback-seeking behavior. *Journal of Occupational Psychology*, 63 (4), 343–348.

Berenbaum H., Bredemeier K. (2008). Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality. *Journal of Anxiety Disorders*, 22 (1), 117–125.

Brighetti G., Lucarelli C. (2015). Gender differences in attitudes towards risk and ambiguity: when psycho-physiological measurements contradict sex-based stereotypes. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, 24 (1), 62–82.

Budner S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30 (1), 29–50.

Buhr K., Dugas M. J. (2006). Investigating the construct validity of intolerance of uncertainty and its unique relationship with worry. *Journal of Anxiety Disorders*, 20 (2), 222–236.

Buhr K., Dugas M. J. (2009). The role of fear of anxiety and intolerance of uncertainty in worry: An experimental manipulation. *Behaviour Research and Therapy*, 47 (3), 215–223.

Butzer B., Kuiper N. A. (2006). Relationships between the frequency of social comparisons and self-concept clarity, intolerance of uncertainty, anxiety, and depression. *Personality and Individual Differences*, 41 (1), 167–176.

Carleton R. N., Mulvogue M. K. (2012). Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, 26 (3), 468–479.

Carleton R. N., Norton M. A. P. J. (2007). Fearing the unknown: A short version of the Intolerance of Uncertainty Scale. *Journal of Anxiety Disorders*, 21 (1), 105–117.

Chaudhary R. (2017). Demographic factors, personality and entrepreneurial inclination: A study among Indian university students. *Education + Training*, 59 (2), 171–187.

DeYoung C. G., Quilty L. C. (2014). Openness to Experience, Intellect, and Cognitive Ability. *Journal of Personality Assessment*, 96 (1), 46–52.

Dugas M. J., Buhr K. (2004). The Role of Intolerance of Uncertainty in Etiology and Maintenance. *Generalized anxiety disorder: Advances in research and practice*. New York, NY, US: Guilford Press, 143–163.

Dugas, M. J., Gosselin, P., & Ladouceur, R. (2001). Intolerance of uncertainty and worry: Investigating specificity in a nonclinical sample. *Cognitive Therapy and Research*, 25(5), 551–558.

Dugas M. J., Schwartz A. (2004). Brief Report: Intolerance of Uncertainty, Worry, and Depression. *Cognitive Therapy and Research*, 28 (6), 835–842.

Frenkel-Brunswik E. (1949). Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual variable. *Journal of Personality*, 18 (1), 108–143.

Fugate M., Kinicki A. J. (2008). A dispositional approach to employability: Development of a measure and test of implications for employee reactions to organizational change. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 81 (3), 503–527.

Furnham A., Ribchester T. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications. (1995). *Current Psychology*, 14 (3), 179–199.

Grant A. M., Studholme I. (2017). The impact of leadership coaching in an Australian healthcare setting. *Journal of Health Organization and Management*, 31 (2), 237–252.

Greco V., Roger D. (2001). Coping with uncertainty: the construction and validation of a new measure. *Personality and Individual Differences*, 31 (4), 519–534.

Jach H. K., Smillie L. D. (2019). To fear or fly to the unknown: Tolerance for ambiguity and Big Five personality traits. *Journal of Research in Personality*, 79, 67–78.

Kornilova, T. V. (2010). Novyi oprosnik tolerantnosti–intolerantnosti k neopredelennosti [New Questionnaire of tolerance/intolerance for uncertainty]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 31 (1), 74–86. (in Russ.)

Ladouceur R., Gosselin P. (2000). Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: a study of a theoretical model of worry. *Behaviour Research and Therapy*, 38 (9), 933–941.

Lauriola M., Foschi R. (2016). Attitude Toward Ambiguity: Empirically Robust Factors in Self-Report Personality Scales. *Assessment*, 23 (3), 353–373.

Levin R., Leginsky P. (1991). The Independent Social Worker as Entrepreneur. *Journal of Independent Social Work*, 5 (1), 89–99.

Lloyd S., Härtel C. (2010). Intercultural competencies for culturally diverse work teams. *Journal of Managerial Psychology*, 25 (8), 845–875.

MacDonald A. P. (1972). Characteristics of volunteer subjects under three recruiting methods: Pay, extra credit, and love of science. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 39 (2), 222–234.

Madzar S. (2001). Subordinates' information inquiry: Exploring the effect of perceived leadership style and individual differences. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 74 (2), 221–232.

Martindale C., Abrams L. (1974). Creativity and Resistance to Cognitive Dissonance. *The Journal of Social Psychology*, 92 (2), 317–318.

McCrae R. R. (1993). Social Consequences of Experiential Openness. *Psychological Bulletin*, 120 (3), 323–337.

McEvoy P. M., Mahoney A. E. J. (2011). Achieving certainty about the structure of intolerance of uncertainty in a treatment-seeking sample with anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, 25 (1), 112–122.

Mclain D. L. (1993). The Mstat-I: A New Measure of an Individual's Tolerance for Ambiguity. *Educational and Psychological Measurement*, 53 (1), 183–189.

Miranda R., Fontes M. (2008). Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms. *Behaviour Research and Therapy*, 46 (10), 1151–1159.

Norton P. J., Mehta P. D. (2007). Hierarchical Model of Vulnerabilities for Emotional Disorders. *Cognitive Behaviour Therapy*, 36 (4), 240–254.

Norton R. W. (1975). Measurement of Ambiguity Tolerance. *Journal of Personality Assessment*, 39 (6), 607–619.

Oglesby M. E., Albanese B. J. (2015). Intolerance of Uncertainty in Relation to Motives for Alcohol Use. *Cognitive Therapy and Research*, 39 (3), 356–365.

Orel V. E., Senin I.G. (2004). Lichnostnyj oprosnik NEO PI-R. Rukovodstvo po primeneniju. NPC «Psihodiagnostika». Jaroslavl'. (in Russ.)

Piedmont R. L. (1998). *The Revised NEO Personality Inventory: Clinical and Research Applications*. New York: Plenum Press.

Sadeghi K., Soleimani M. (2016). The relationship between anxiety, shyness, ambiguity tolerance, and language learning strategies. *International Journal of Pedagogies and Learning*, 11 (1), 70–87.

Salamzadeh A., Farjadian A. A. (2014). Entrepreneurial characteristics: insights from undergraduate students in Iran. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, 21 (2), 165.

Sexton D. L., Bowman N. (1985). The entrepreneur: A capable executive and more. *Journal of Business Venturing*, 1 (1), 129–140.

Thompson A. S., Khawaja A. J. (2016). Foreign language anxiety in Turkey: the role of multilingualism. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 37 (2), 115–130.

Tsoukatos E. (2014). Perceptions of entrepreneurial personality traits: evidence from Greece. *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, 10 (2/3), 179.

Xu H., Tracey T. J. G. (2015). Career Decision Ambiguity Tolerance Scale: Construction and initial validations. *Journal of Vocational Behavior*, 88, 1–9.

Yook K., Kim K.-H. (2010). Intolerance of uncertainty, worry, and rumination in major depressive disorder and generalized anxiety disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, 24 (6), 623–628.

Warner J. A., Koufteros X. (2014). Learning Computerese: The Role of Second Language Learning Aptitude in Technology Acceptance. *Educational and Psychological Measurement*, 74 (6), 991–1017.

Zenasni F., Besançon M. (2008). Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study. *The Journal of Creative Behavior*, 42 (1), 61–73.

Zlobina M .V., Pervushina O. N. (2017). Intolerantnost' k neopredelennosti i depressiia [Intolerance of uncertainty and depression]. *Reflexio*, 10 (2), 126–141 (in Russ.)